

Дж. Стори

ПАМЯТЬ О СЕБЕ: «ИСТОКИ» И «ПУТИ» ИДЕНТИЧНОСТИ*

Сегодня общим местом в культурологии стало убеждение, что идентичности формируются (складываются) и реализуются (исполняются) в истории и культуре, а не являются чем-то врожденным, унаследованным от природы. Идентичности имеют сложную структуру, подвержены изменениям и всегда находятся в процессе становления; они скорее форма «производства», чем «потребления» неизменного, постоянного наследия.

Идентичности, следовательно, являются противоречивым смешением «корней» и «путей». Образование и постоянное преобразование наших идентичностей всегда является компромиссом между памятью и мечтой — между памятью, посредством которой мы стремимся найти свое место в уже известном прошлом, и мечтой, которая ведет нас вперед, минуя настоящее, в неведомое будущее. В данной статье я сфокусирую внимание на «корнях» идентичности.

Как нам представляется, значительная часть того, чем мы являемся, связана с прошлым, т. е. наше самоощущение, самовосприятие, по-видимому, «коренится» в наших истоках. Факты нашей биографии подкрепляются главным образом памятью. Память является самой сутью идентичности: она устанавливает связь между настоящим *Я* (кем мы являемся) и *Я* прошлым (кем мы когда-то были). Вопрос, который поставлен в настоящей статье, заключается в следующем: насколько надежными, прочными, устойчивыми являются эти «корни» идентичности? Может быть, то, что представляется завершенным, неизменным и абсолютно «внутренним», лучше объяснять, понимать как то, что только изредка находит завершение «вовне» — в культуре? Более того, если наши идентичности одновременно и «присутствуют» и «отсутствуют», существуя как в нашем сознании, так и «вовне» — в культуре, то все, что существует «вовне» (в культуре),

часто находится за пределами нашей способности контролировать, т. е. не поддается контролю с нашей стороны.

Я пытаюсь объяснить, что выражение «корни» идентичности вовсе не означает, что мы сами — наши идентичности — созданы культурой, тем более что мы наследуем что-то от природы; оно означает, что даже то, что кажется нам личным, на самом деле неизбежно вплетено в культуру. Другими словами, что даже истоки нашей идентичности «коренятся» и представлены в культуре, сформированы и четко выражены в ней.

Память — это самая суть идентичности: она соединяет наше сегодняшнее *Я* и прошлое *Я*. Эта связь настолько существенна, что идентичность без памяти кажется почти невыносимой. Однако, если это так (а я в этом уверен), то почему в культурологических исследованиях, посвященных идентичности, не рассматривается память?¹ Возьмем, к примеру, Стюарта Холла, одного из ведущих исследователей идентичности в культурологии: в пяти статьях об идентичности Холл упоминает память лишь дважды.

«Обращение к прошлому... никогда не является возвращением в полный и точный виде. Прошлое не ждет нашего возвращения, чтобы компенсировать, возместить наши идентичности снова. Прошлое всегда пересказывают, открывают вновь, повторно выдумывают. Оно неизбежно нарративизируется, становится фактом. Мы обращаемся к нашему собственному прошлому через историю, память, мечту, а не как к точному факту».²

«Культурная идентичность не является статичным феноменом... существующим неизменно вне истории или культуры ... Это не статичное начало, к которому мы можем окончательно и абсолютно вернуться. <...> Прошлое продолжает говорить с нами. Но

¹ Существует несколько прекрасных культурологических работ (главным образом, феминистских), рассматривающих память в контексте автобиографии. См., например: Annette Kuhn (1995), Nicola King (2000), Susannah Radstone (2000), Carolyn Steedman (1986). Но данные работы не сосредоточены в теоретическом плане на вопросах памяти и идентичности. Вопрос в том, отчего теоретические работы по идентичности в той или иной степени игнорируют феномен памяти?

² Hall S. Old and New Identities, Old and New Ethnicities // Culture, Globalization and the World-System. Basingstoke, 1991. P. 58.

Джон Стори — профессор, культуролог, директор Центра культурных и медиа исследований Университета Сандерленда (Великобритания)
E-mail: john.storey@sunderland.ac.uk

это больше не простое, основанное на фактах «прошлое». <...> Оно всегда конструируется через память, воображение, нарратив, миф».³

Согласно Холлу, важно понимать, что идентичность всегда является нарративом «становления» самости. Следовательно, как указывает Холл, вопрос идентичности чаще лежит в области «путей», нежели «корней».⁴ Исследователь совершенно верно отвергает идею о том, что истоки идентичности могут лежать в «прошлом, которое стало сущностью». Кроме того, несомненно, верно все, что он говорит о памяти. Но, по-видимому, он обращается к памяти лишь для того, чтобы подчеркнуть, что больше ничего о ней говорить не требуется. Другими словами, он вводит понятие памяти с тем, чтобы в дальнейшем его больше не использовать. Холла интересует (на чем он делает основной упор) «становление» («пути») идентичности: он полагает, что увлечение вопросами памяти может привести к подмене понятия «становление» идентичности статичным в некоторой степени понятием «бытие» идентичности.

Очевидное игнорирование Холлом памяти как объекта исследования, по-видимому, вытекает из его убеждения, что концентрация внимания на ней неизбежно приведет к тому, что прошлое станет сущностью. В противовес данной позиции мне хотелось бы заявить, что память больше касается «путей», нежели «корней». Таким образом, воспоминание (воспроизведение воспоминаний) также является частью нашего «становления», и то, что кажется нам «корнями», на самом деле лучше осмысливается в качестве «путей». Мое положение можно интерпретировать двояко: я эксплицитно выражаю то, что имплицитно содержалось в позиции Холла или я что-то добавляю к его выдающейся работе об идентичности.

Чтобы исследовать отношения между памятью и идентичностью, я построил свой анализ, позаимствовав разработанное в работах французского социолога Мориса Хальбвакса понятие «коллективная память».⁵ Для большей ясности я представлю его теорию в виде четырех

частично дублирующих друг друга тезисов. То, что включено в один тезис, с легкостью могло бы быть частью другого, в зависимости от того, что требуется особо подчеркнуть.

1. *Память коллективна.* Память в такой же степени коллективна, как и индивидуальна. Хальбвакс объясняет это двояко. Во-первых, вслед за Фрейдом, он признает, что воспоминания часто фрагментарны и неполны, незавершенны. Но если Фрейд искал их завершение в подсознательном, то Хальбвакс считал, что завершение следует искать в культуре, т. е. вне индивида. То, что является временным, преходящим в наших воспоминаниях, может быть подкреплено, подтверждено воспоминаниями других. Мы обращаемся к свидетелям, чтобы подтвердить, или признать недействительными, или дополнить то, что мы так или иначе уже знаем о событии. <...> Наша уверенность в точности нашей ... памяти растет ..., если она может найти поддержку, подтверждение в воспоминаниях других.⁶

Хальбвакс не отрицает, что у людей есть собственные воспоминания (то, что он называет «индивидуальной памятью»), но указывает, каким образом переплетаются индивидуальные и коллективные воспоминания. Как он пишет, «индивидуальная память для подтверждения, уточнения воспоминаний или даже заполнения пробелов в них полагается на коллективную память, перемещается внутрь нее, сливается на мгновение с коллективной памятью».⁷

Представьте, что происходит, когда собравшиеся члены семьи рассматривают семейный альбом. По мере того как фотографии расходятся, отдельные снимки вызывают те или иные воспоминания у кого-то из членов семьи, которые потом или поддерживаются, развиваются, или опровергаются другими родственниками. Далее следуют обсуждения, в ходе которых они сообща пытаются закрепить определенные воспоминания за отдельными фотографиями. Таким вот образом семейные истории (и индивидуальные истории в рамках семейных) пересказываются, создаются и (временно) «закрепляются». Например, самым ранним моим воспоминанием является то, что когда-то я сильно испугался чучела медведя. Я помню, что меня попросили сесть впереди чучела и позировать для фотографии. Я отказывался, так как боялся, что медведь нападет

³ Hall S. Cultural Identity and Cinematic Representation // Black British Cultural Studies: A Reader. Chicago, 1996. P. 213.

⁴ Hall S. Who Needs Identity // Questions of Cultural Identity. London, 1996. P. 4.

⁵ Морис Хальбвакс (1877–1945) заведовал первой во Франции кафедрой социологии. В 1944 г. в возрасте 67 лет он отправился в Лион, чтобы расследовать обстоятельства убийства (не ясно, вишестской милицией или немецким гестапо) его приемных родителей (оба евреи). Его арестовали и отправили в концлагерь Бухенвальд, где он и умер.

⁶ Halbwachs M. The Collective Memory. N.-Y., 1980. P. 22.

⁷ Ibid. P. 50, 51.

на меня. Мне говорили, что я глупый, но я все равно отказывался. На фотографии запечатлен компромисс, к которому мы пришли: мой отец сидит перед медведем и пытается улыбаться, а я плачу или пытаюсь не плакать. Меня, в первую очередь, интересует следующий вопрос: действительно ли это мое воспоминание? Мне на этой фотографии, должно быть, около пяти лет, и это единственное воспоминание из этого периода моей жизни. Возможно ли, что это воспоминание основывается только на фотографии? На разглядывании этой фотографии в кругу семьи и на последующих обсуждениях, в которых обо мне заботливо упоминали, говоря о том, что представлено на снимке? Иными словами, это может быть не случай, который я запомнил, а собственно фотография и рассказы о событии, которые уточнялись, обрастали подробностями, повторялись, поскольку фотография существовала. Я не помню, что тогда произошло, но я помню процесс коллективно- и индивидуального воспоминания об этом.

Хальбвакс утверждает, что память коллективна и в другом отношении: мы часто вспоминаем или помним то, что мы знаем, но что сами непосредственно не испытывали. Он поясняет это так: «На протяжении моей жизни в стране, как в театре, разыгрывалось множество различных событий, о которых я говорю “я помню”, событий, о которых я знаю только из газет или из свидетельств непосредственных очевидцев. <...> Пытаясь вызвать эти воспоминания, я должен целиком полагаться на память других, на память, которая не подтверждает или дополняет мою собственную, а является тем самым источником того, что я хотел бы воспроизвести».⁸

Существует, вероятно, множество вещей, которые мы «знаем» о себе и своих прошлых жизнях, и о которых мы узнали от других людей. Когда-то в своей автобиографической работе «Поэзия и правда» (1811) Иоганн Вольфганг фон Гете писал: «Когда мы хотим вспомнить, что происходило с нами в раннем детстве, часто случается, что мы пугаем то, что услышали от других, с тем, что мы действительно знаем исходя из нашего собственного опыта».⁹

Датский психолог Жан Пиаже, занимающийся проблемами психологии детства, пишет о прочности воспоминания о психотрав-

мирующем событии — событии, о котором он узнал позже и которое на самом деле не переживал: «Я сидел в детской коляске, которую моя няня катила по Елисейским Полям, когда какой-то человек попытался меня похитить. В то время как ремень крепко меня держал, няня бесстрашно встала между мной и вором. Он поранил ее. <...> Собралась толпа, подбежал полицейский в коротком плаще и с белой полицейской дубинкой, и тогда тот человек пустился наутек».¹⁰

Пиаже верил в это воспоминание больше десятилетия. Когда ему было пятнадцать, его родители получили письмо от бывшей няни, ставшей теперь членом религиозной организации Армии Спасения. Пиаже пишет: «Она хотела признаться в своих прошлых обманах и, в особенности, вернуть часы, которые она получила в награду за этот случай. Она состряпала целую историю, подделав даже царапины. Таким образом, я, будучи ребенком, наверняка слышал рассказы об этой истории, в которую верили мои родители, и спроецировал ее в прошлое в форме визуального воспоминания».¹¹

2. «Воспоминание» — это реконструкция и репрезентация. Хальбвакс утверждает, что воспроизведение — это не процесс, в котором мы воссоздаем настоящее «чистое» прошлое, и воспоминания — не выверенные отчеты о прошедших событиях. Воспоминание — это всегда акт реконструкции и репрезентации. Так, Хальбвакс пишет: «Коллективная память ... не сохраняет прошлое, но реконструирует его при помощи материальных следов, обрядов, текстов и традиций, оставленных этим прошлым. <...> Это язык, и к тому же целая система социальных соглашений, позволяющая нам в любой момент восстанавливать наше прошлое».¹²

Воспоминания поддерживаются и подкрепляются культурой, в которой каждый что-то вспоминает. Это не означает отрицания реальности прошлого («это действительно происходило»), но означает признание того, что прошлое немо, что его нужно создавать, чтобы обозначит, понять.¹³ Более того, прошлое

¹⁰ Цит. по: Loftus E. F. Eyewitness Testimony. Cambridge, MA, 1996. P. 62.

¹¹ Ibid. P. 62, 63.

¹² Halbwachs M. The Social Framework of Memory (edited version) // Collective Memory. Chicago, 1992. P. 119, 173.

¹³ См.: Hall S. The Rediscovery of Ideology: the Return of the Repressed in Media Studies // Cultural Theory and Popular Culture: A Reader. London, 2009. P. 111–141; Storey J. Culture and Power

⁸ Ibid. P. 51.

⁹ Цит. по: Dokic J. Is Memory Purely Preservative // Time and Memory: Issues in Philosophy and Psychology. Oxford, 2001. P. 214.

«мульти-акцентно»¹⁴ — его можно интерпретировать по-разному, основываясь на нем, можно рассказывать различные истории. Значение имеют не «факты» прошлого, а то, как эти «факты» понимаются и подаются, как они формулируются, чтобы придать им определенное значение. Другими словами, то, что мы вспоминаем, не остается постоянным: воспоминания забываются, пересматриваются, перестраиваются, реорганизируются и обновляются, поскольку они подвергаются воспроизведению, повторению, интерпретации и пересказыванию.

Более того, чем важнее припоминаемое событие, тем оно более «уязвимо» для реконструкции, поскольку чаще других воспроизводится, повторяется, интерпретируется и пересказывается. В этом отношении, следовательно, память в такой же степени может быть обязана повторению (как индивидуальному, так и коллективному), в какой и отдельным заслуживающим внимания деталям событий, действительно имевшим место в прошлом. Более правильно рассматривать память как «производство», чем как форму «потребления». Как комментирует психолог Джон Килстром, «память не походит на чтение книги; это скорее что-то вроде написания книги на основе фрагментарных записей».¹⁵

3. *Воспроизведение обусловлено настоящим.* Хальбвакс доказывает, что воспроизведение всегда обусловлено настоящим, «прошлое не “законсервировано”, оно постоянно реконструируется на основе настоящего».¹⁶ Воспоминания не уносят нас в прошлое — скорее они привносят прошлое в настоящее. Более того, процесс воспроизведения предполагает, по выражению психолога Фредерика Бартлетта «усилие после осмысления».¹⁷

Процесс воспроизведения в какой-то мере организует прошлое и управляет им в зависимости от настоящего. Прошлое не сохраняется и не воскрешается в памяти, оно активно и непрерывно конструируется в контексте настоящего. Иными словами, процесс воспроизведения создает значение, смысл в настоящем и в ответ на настоящее. Чтобы наши воспоми-

нания оставались чем-то значимым для нас, они должны иметь смысл в контексте настоящего. Как пишет Бартлетт, «[воспоминания] переплетены с нашими интересами, и вместе с ними они изменяются».¹⁸ Интерпретация всегда будет интерпретацией, наполненной актуальными в настоящий момент отношениями и убеждениями, а не исходящей из перспективы или контекста подлинного момента, на который намекает память. Например, несмотря на то что я действительно сделал что-то в прошлом, значение того, что я сделал, не зафиксировано в прошлом — оно всегда выражается, пересказывается и перерабатывается в контексте настоящего. Проще говоря, наши воспоминания меняются вместе с нами. Как утверждал Хальбвакс, «вспоминание в значительной степени является реконструкцией прошлого, успешно выполненной на основе сведений, позаимствованных из настоящего».¹⁹ Поэтому исследование памяти не означает исследование прошлого, это изучение того, как прошлое существует в настоящем. Более того, именно игра прошлого в настоящем создает память и обращается к памяти, всегда потенциально политической.

4. *Память архивирована.* Хальбвакс доказывает, что коллективная память воплощена в мнемонических артефактах, в таких формах, которые служат напоминанием, как гробницы, святыни, статуи, военные мемориалы и т. д. — то, что французский историк Пьер Нора называет «местами памяти».²⁰ Память, по-видимому, становится все больше тем, что мы можем вернуть, восстановить на основе внешних источников. В повседневной жизни нас окружают «памятники» прошлого: фотографии, письменные свидетельства, телевизионные и радиосообщения, монументы, воспоминания других людей и др.²¹ Нора утверждает:

«Современная память является, прежде всего, архивированной. Она полностью полагается на материальность следа, непосредственность записи, видимость, зримость изображения. <...> Чем меньше память основывается на внутреннем опыте, тем больше она существует благодаря внешним подпоркам и видимым

in Cultural Studies: The Politics of Signification. Edinburgh, 2010.

¹⁴ См.: Volosinov V. Marxism and the Philosophy of Language. London, 1973.

¹⁵ Цит. по: Prendergast M. Victims of Memory. London, 1998. P. 87.

¹⁶ Halbwachs M. The Social Framework... P. 40.

¹⁷ Bartlett F. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge, 1967. P. 227.

¹⁸ Ibid. P. 212.

¹⁹ Halbwachs M. The Collective Memory. P. 69.

²⁰ Nora P. Between memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 7.

²¹ См.: Bavidge E. Heterotopias of Memory: Cultural Memory in Newcastle-upon-Tyne, PhD thesis, University of Sunderland. 2009.

знакам. <...> Возникает также ... вторичная, «протезированная» память».²²

Элисон Ландсберг использует сходное понятие «протезные воспоминания»²³ для описания способов, с помощью которых медиа (особенно кино) могут позволить людям переживать в воспоминаниях то, чего они сами не испытывали. Она пишет: «То, что люди видят, может затрагивать их настолько сильно, что эти образы становятся частью их собственного личного архива жизненного опыта».²⁴ Выжившие после травматических событий часто утверждают, что они с трудом отличают личные воспоминания от воспоминаний, созданных тем, что я буду называть «индустрией памяти». Например, ветеран войны во Вьетнаме американец Уильям Адамс красноречиво доказывает это положение: «Когда наш взвод был впервые демобилизован [1986], многие спрашивали меня: “Война была действительно такой?” Я никогда не находил ответа ..., потому что то, что “действительно” произошло, так основательно перемешалось в моей голове с тем, что было сказано по этому поводу, что там больше нет никакого чистого опыта».²⁵

Другой пример приводит социальный психолог Ульрик Нейссер. На следующее утро после того, как в 1986 г. взорвался космический корабль Challenger, он попросил группу студентов записать то, как они впервые услышали эту новость. Три года спустя тех 44 студентов, которые все еще находились в академгородке, снова попросили вспомнить, как они впервые услышали эту новость. Согласно Нейссеру, «около четверти отчетов были совершенно неправильными (включая многие уверенные ответы). Одна студентка, которая в действительности услышала впервые эту новость от сокурсников в аудитории, впоследствии вспоминала, что была ошеломлена этой новостью, когда смотрела телевизор со своей соседкой по комнате. Другой студент, услышавший на самом деле о взрыве от друзей за ланчем в кафе, вспомнил, как “какая-то девушка вбежала в помещение крича, что шаттл только что взорвался”».²⁶

Нейссер объясняет эти изменения памяти следующим образом: «Субъект, который лож-

но припомнил, что впервые узнал о Challenger по телевизору ... вероятно, смотрел телевизионный репортаж чуть позже в тот же день. Труднее объяснить происхождение мифической девушки, которая бежала по общезнанию и кричала, но это тоже должно было иметь истоки».²⁷

Не думаю, что слишком трудно понять истоки этого воспоминания: эта девушка выражает общепринятую нарративную условность кино и телевидения, особенно научной фантастики. Иными словами, она выражает «протезированную память», которая сделала ее действительной благодаря особому «медиа архиву».

Память может быть архивирована и в другом смысле. Я могу услышать по радио песню, которая напомнит мне о каком-то эпизоде из моего прошлого. Недавно по дороге на работу я услышал по радио песню Боба Дилана «Positively 4th Street» и стал думать об одном моменте своей юности — о том, как однажды мы гуляли с друзьями, пели эту песню и думали, что мы не такие, как все другие студенты нашей школы. Это воспоминание, если бы оно не оказалось «архивированным» в песне, могло бы не существовать для меня вовсе.

Заключение

Надеюсь, мне удалось показать две вещи. Во-первых, необходимо интегрировать теории памяти в теории идентичности. Воспоминания — это не только отражение себя в прошлом, но и значимая часть продолжающегося сотворения себя, называемого идентичностями. Другими словами, рассказ о прошлом является одним из основных средств утверждения идентичности в настоящем, частью «становления» идентичности. Иначе говоря, то, что кажется нам нашими «корнями», может быть глубже истолковано в качестве основной части наших «путей».

Во-вторых, я также надеюсь, что мне удалось показать, что теория памяти, предложенная Хальбваксом, может стать хорошей отправной точкой для интеграции концепта памяти в культурологические исследования идентичности. Заслуга Хальбвакса состоит в распространении идеи памяти на культуру, благодаря чему память становится доступной для концепций идентичности. Другими словами, если культура — это система разде-

²² Nora P. *Between Memory and History...* P. 13, 14.

²³ Landsberg A. *Prosthetic Memory: Total Recall and Blade Runner* // *Body and Society* 1.3/4. 1995. P. 176.

²⁴ *Ibid.* P. 179.

²⁵ Sturken M. *Tangled Memories*, Berkeley, 1997. P. 86.

²⁶ Neisser U. *Self-narratives: True and False* // *The Remembering Self: Construction and Accuracy in the Self-Narrative*. Cambridge, 1994. P. 6.

²⁷ *Ibid.*

ляемых и оспариваемых значений, то значительная часть любой культуры должна быть тем, что Хальбвакс называет «коллективной памятью».

По мнению Хальбвакса, процесс воспроизведения — это производящий, продуктивный процесс, в котором «память о себе» активно конструируется как внутри, так и извне — контекстом настоящего. Помнить означает ясно формулировать, выражать доступные и ограниченные дискурсы чьей-либо культу-

ры: ее архив, нарративные условности, способы видения. Процесс воспроизведения зависит от того, что Хальбвакс называет социальными рамками: «индивидуальная память не может функционировать вне слов и идей, т. е. инструментов, которые индивид сам не изобрел, но заимствовал из окружения».²⁸ Таким образом, помнить означает оказаться в плену того, что Маркс определял как диалектику «структуры» и «деятельности агента»:²⁹ мы создаем культуру, но и культура создает нас.

Ключевые слова: *культурологические исследования, Морис Хальбвакс, Стюарт Холл, память, идентичность*

OUR MEMORIES OF OURSELVES: “ROOTS” AND “ROUTES”

This article deals with the phenomenon of memory as the basis of identity. However while studying rather the mechanisms of “archiving” memories in the present, since according to the author memory is not firmly linked to the past alone, the author refers to the works of Maurice Halbwachs, stating that the issue of identity is as much a matter of “routes” as of “roots”.

John Story

²⁸ Halbwachs M. *The Collective Memory*. N.-Y., 1980. P. 51.

²⁹ См.: Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-изд., т. 8.